СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

В статье затронуты две проблемы. Во-первых, подчеркивается, что замедление экономического роста и уменьшение макроэкономических показателей – общемировая тенденция. Во-вторых, демонстрируется, что стратегии преодоления кризиса должны содержать как общие, так и специфические рекомендации.

Ключевые слова: кризис; структура мировой экономики; стратегии выхода из кризиса; регион.

Глобальный кризис, индикаторами которого служат перекапитализация рынков и ухудшение макроэкономических показателей, заставил все страны мира принять радикальные меры, направленные на урегулирование существующей ситуации. К основным инструментам стабилизации экономики можно отнести кредиты из государственных фондов, приобретение пакетов акций крупнейших банков и корпораций государством, гарантии по банковским обязательствам, привлечение инвестиций в реальный обновленный сектор экономики, создание общественной инфраструктуры. Не вызывает сомнения тот факт, что кризис – это такое время, когда принципы свободного капитализма отступают перед необходимостью жесткого госрегулирования. Либеральные государства начинают перенимать протекционистскую практику, вводят ограничения на инвестиции в стратегические отрасли, поддерживают наиболее чувствительные отрасли и др.

Финансовый капитал создает лишь фиктивное богатство, крайне своеобразную ложную социальную стоимость, ведет к «виртуализации» финансовых операций. Кризис как раз и обнаруживает с ужасающей быстротой фиктивность такого богатства – суммарная рыночная капитализация всех компаний мира за 2008 г. сократилась на 30 трлн долл., т.е. почти вдвое [1]. Происходящие на мировых фондовых рынках события некоторые исследователи оценивают как крах спекулятивной модели экономики [2] и предлагают диаметрально противоположные общепринятым меры – ограничить поддержку банков; не скупать, а продавать проблемные акции; принять программу стабилизации фондового рынка; обуздать инфляцию. Считалось, что слабость рынка распространяется на решение таких проблем, как экология, образование, социальная справедливость, но выяснилось, что и остальные сферы нуждаются в неусыпном контроле со стороны государства. Регулирование темпов экономического роста и структуры экономики происходит в условиях неконтролируемой рыночной экономики также медленно и стихийно, особенно это касается отраслей, связанных с риском [3].

Выделяют три главные составляющие глобального кризиса: слабость мировой финансовой системы (она связывает спрос на товары новой волны); структурная трансформация и обновление экономики (смена технологических укладов); психологическая неопределенность, усиливающая кризис (рефлексивные процессы могут вызвать самоусиливающийся лавинообразный подъем или спад интереса к отрасли).

Поскольку первыми пострадали банковская и финансовая сферы (и только потом строительные компании, торговля, офисный персонал, обрабатывающая

промышленность), то и считается большинством экономистов, что проблема уменьшения кризисных явлений может быть решена только за счет насыщения экономики деньгами. По мнению С.Б. Огневцева [4], кризис удастся преодолеть на инфляционной волне, т.к. инфляция замаскирует отсутствие роста реальной экономики и создаст иллюзию благополучия [4]. Рефлексивным спадам и подъемам фондовых рынков также уделено пристальное внимание исследователей [5]. Трансформационная же составляющая кризисных явлений в экономике (переход к «новой экономике») ввиду неясности развивающихся событий несколько отошла на второй план и затрагивается гораздо реже [6, 7].

Долгое время не вызывало сомнений то обстоятельство, что совокупный объем производства, скорость обращения денег, прибыли корпораций и т.д. возрастают при подъеме и сокращаются при спаде экономики. Однако ухудшение макроэкономических показателей мировой экономики может указывать не только на кризис, но и на развитие. Многие страны сегодня испытывают ухудшение макроэкономических показателей (Япония, США, Китай, Россия), и это падение макроиндикаторов рассматривается как кризис и стагнация. Вместе с тем причины сжатия индикаторов достаточно разные. Принято также считать, что инновационная деятельность обеспечивает разнообразные экономические эффекты, которые ведут не только к форсированию технического развития, удовлетворению потребности, улучшению экологической обстановки, но и росту ВВП, увеличению прибыли. Именно инновации служат локомотивом трансформации экономики и социально-экономического прогресса. Освоение инноваций – сложный многоступенчатый процесс: нужно уметь выбрать из множества идей коммерчески перспективную, предвидеть, за какими технологиями будущее, оценить выживаемость нового продукта.

Первой страной, в которой показатели инновационной активности и качества жизни улучшались, а статистические (бухгалтерские) индикаторы падали, стала Япония. В Японии господдержка банкам оказывается целевым образом согласно приоритетам промышленной политики. Как известно, Япония – это страна, имеющая индикативное планирование, именно государство там помогает «приблизить будущее» и справиться с целым рядом ограничителей и «врожденных слабостей». Демографические тенденции увеличивают спрос на робототехнику, медицинские услуги и лекарства; дефицит сырья ведет к развитию ресурсосберегающих технологий и мощного современного кораблестроения; нехватка пашни – к развитию биотехнологий; жилищное строительство идет не вширь, а вверх, налажено производство чистых энергетических уста-

новок и экотранспорта и т.д. Это страна – своеобразный полигон для испытания и проверки новейших достижений научной мысли. То, о чем другие страны только мечтают, там уже сформировано. Одновременно с этим японская экономика с 1992 г. переживает длительный застой, сопровождаемый медленной дефляцией цен и падением платежеспособного спроса [8]. Парадоксальным образом одновременно с рецессией выросли реальные доходы населения, увеличилась продуктивность использования ресурсов; Япония является крупнейшим международным кредитором и инвестором, у нее четвертое место в мировом экспорте, самые большие в мире валютные резервы, произошло бурное развитие информационных технологий. Возможно, качественные изменения не всегда сопровождаются количественным ростом. Другое объяснение стагнации – кризис не носит системного характера, произошло лишь расстройство финансовой сферы, которая посылает неверные сигналы.

Наступающая «эпоха качества» предполагает, что количественные параметры развития могут и не обнаруживать явной тенденции к росту. Причин этого сразу несколько.

1. Экономика становится все более ресурсосберегающей, дорогое сырье заменяется более дешевым и экологически чистым, эффективность использования сырья повышается.

2. Человек постепенно вытесняется из реального сектора экономики, он все в меньшей степени «приставлен» к станкам и конвейерам, в то же время производительность труда в результате автоматизации производства и увеличения его технической оснащенности растет (практически без увеличения стоимости основных фондов).

3. Призывы гуманизировать экономическое развитие наконец-то возымели свое действие. Произошел этический скачок, повысился «градус» нравственности. В итоге «дымящие» отрасли реального сектора экономики вытесняются более прогрессивными и интеллектуальными формами производства.

4. Произошла революция экономии на масштабах. Концепция экономии на масштабах утверждает, что сегодня важным конкурентным преимуществом любой страны, участвующей в мировой торговле, является умение наладить наиболее массовое производство высокотехнологичной продукции. А массовое производство инновационных товаров приводит к уменьшению издержек и, как следствие, к сокращению стоимостных объемов производства – продукция становится качественнее, доступнее и дешевле. В итоге, с бухгалтерской точки зрения, производство стагнирует – не растет, а падает. Данный нонсенс предприятия, особенно высокотехнологичные и наукоемкие, попытались закамуфлировать с помощью финансовых деривативов (прибыль падает, но стоимость акций и других ценных бумаг стабильно растет). Эффект оказался не просто отрицательным, но и парализовавшим на время мировую финансовую систему. Провалился не просто монетаризм, провалилась идея эффективности инновационного массового, удешевляющего товары производства. «Падающий эффект» инновационных производств не вписался в современные экономические реалии. Как

замечает профессор Э. Василевский [9], продукция электронной промышленности дешевеет, становится все более доступной и в то же время качественной и долговечной. Снижение стоимости и встречное повышение качества искажает главный принцип рыночной экономики – максимизацию прибыли. Бюро экономического анализа США даже вынуждено было ввести корректирующий статистический индекс с учетом качества продукции, но его применение не стало обязательным. Что оставалось менеджерам высокотехнологичных производств кроме того, чтобы приписывать себе несуществующие прибыли? Разразилась серия скандалов. Предприятия стали лихорадочно и бессистемно переходить на модель тоже массового, но индивидуального, «элитного» производства, производства по индивидуальным заказам, попытались «атомизироваться», но эта идея натолкнулась на ограниченные финансовые возможности потребителя и также не принесла успеха. Вынужденный переход на товары с высокой добавленной стоимостью привел к тому, что спрос резко отстал от предложения; это лишний раз доказывает, что социальные и бизнес-процессы должны быть синхронизированы. Кризис, действительно, начался с перекредитования ипотеки, но ведь ее широкое распространение натолкнулось на массовую неплатежеспособность заемщиков. А чем была вызвана масштабная потеря доходов у населения?

5. Потребитель, обремененный долговыми обязательствами по кредитам, потерял для экономики, его покупательная способность замораживается на длительное время и спрос на новые товары не растет до тех пор, пока не восстановится его платежеспособность. А ведь взрыв высоких технологий требует активного потребительского спроса, он не смог бы осуществиться, если бы работники оставались бедными. С. Хайтун считает, что низкие зарплаты блокируют развитие высоких технологий. Так, он замечает: «Постиндустриальное общество возникает “само собой” в странах с кейнсианской экономикой, обеспечивающей оплату труда наемных работников на уровне 50–70% от стоимости продукции» [10. С. 108]. Кредиты вначале увеличивают, но вскоре блокируют потребительский спрос.

6. Возник эффект инвестиционной растерянности: акционеры перестали понимать, куда вкладывать средства, ведь перспективы новейших технологий были не ясны, а государство почти никак не обозначало свое отношение к новинкам. Почему упал интерес к акциям целых отраслей? Что отпугнуло инвесторов? Инвестировать в прежние технологии, небезопасные для человека, бессмысленно, а принципиально новых решений мало и риск по их осуществлению слишком велик. Вкладывали стали в то, что представлялось незбытым, – в сырье и недвижимость. Этим занимались даже инвестиционные фонды, созданные специально для приближения будущего, отсюда перегрев и виртуализация финансовой сферы. Чтобы строить «из ничего», ездить на сверхлегких автомобилях, брать энергию из воздуха, воды и от Солнца, читать электронные книги и журналы, нужно предварительно вложить немалые средства в научные исследования и разработки, пройти затяжной неприбыльный этап, а это нелегко для любой экономики.

Происходящая на наших глазах смена производственной парадигмы означает также, что товары новой волны будут более качественными и дорогостоящими, по крайней мере, до очередного их выхода на массовый уровень производства (гибридные автомобили, альтернативные энергетические установки, коммуникаторы, качественная бытовая техника и т.д.). Спрос будет увеличиваться в отраслях с высокой добавленной стоимостью. Прогнозируется поэтому неизбежный переход к кейнсианству (чтобы преодолеть недостаточность потребления, нужно стимулировать спрос). Потребитель не сможет самостоятельно справиться с новыми ценами. Когда цены стабилизируются, можно будет снова обратиться к монетаризму.

Почему же мы так растерянно встречаем новую эпоху, а намечающиеся в долгосрочном периоде благоприятные перспективы именуем сиюминутным словом «кризис»? Смена производственной парадигмы сопровождается неизбежным спадом одних и подъемом других отраслей. Одни технологии вытесняют другие, и это, безусловно, болезненный процесс. Радикальные инновации даже именуют «технологиями-убийцами», памятуя об их вытесняющем потенциале. Они отменяют целые отрасли и сферы деятельности. Инновации – оружие обоюдоострое. Внедряя в массовом порядке новшества, нужно помнить об их отменяющем эффекте и заранее готовиться к нему. Так, на заре двадцатого века гужевой транспорт был вытеснен автомобилем с бензиновым двигателем. Ксерокс разорил производителей копировальной бумаги. Практически исчезло доменное металлургическое производство.

Особенность современного перехода к качественно новым производственным системам во всех основных секторах экономики – это преобразование потребления в круговороты. Волна технологического развития оказалась неожиданной, неумолимые научно-технические тенденции не были вовремя оценены и подхвачены производством. Будущее старались отдалить, хотя оно становилось все более очевидным. Взгляд в будущее сильно искажали «нефтяные» очки. Усугубило ситуацию то, что будущее многовариантно, выбор предпочтительной траектории развития непрост, нелегко наметить безошибочный путь, а те, кто принимал инвестиционные решения (преимущественно, как выяснилось, спекулятивного характера), вряд ли понимали всю меру ответственности, ведь частный инвестор несет свои доходы туда, где больше прибылей и финансовых перспектив.

Какие же тенденции и траектории развития на будущее уже обозначились? Как в соответствии с новыми реалиями начнет меняться структура производства? Почему многие активные отрасли вместе с основными фондами на глазах превращаются в «промышленный антиквариат»? Скорее всего, спрос на металлы вряд ли восстановится в прежнем объеме, во всяком случае структура потребления черных металлов, несомненно, изменится, поскольку сталь вытесняется суперполимерами. Основным потребителем металлургической продукции являлось автомобилестроение, а «автомобиль будущего» (сверхлегкий автомобиль с гибридным двигателем) имеет корпус из пластика, армированного углеродом и обладающего памятью формы. О переходе на производство нового автомобиля уже заявили мно-

гие развитые страны. Возможно, удастся реанимировать спрос за счет весьма металлоемких инфраструктурных проектов, но лишь на какое-то время. По большому счету «железный век» должен уступить место веку пластмассовому. Упал рынок не только чугуна, но цемента и кирпича. Дело в том, что строительные технологии также подвержены инновационным переменам: на смену традиционным материалам приходят более удобные, легкие и быстро монтируемые блоки, каркасы, монолиты и т.д. Придется также основательно задуматься, нужно ли поддерживать предприятия по производству проводов и кабелей в век технологий беспроводных? Нефть, хотя и неспешно, вытесняется биотопливом. Знания и порожденные ими высокие технологии делают ресурсы все более заменимыми (кремниевые чипы изготавливаются из песка, медь и алюминий – углеродно-волоконистыми соединениями). Лесопромышленные предприятия, выпускающие бумагу, стоят, склады затоварены, сбыт продукции затруднен. Причина – в переходе многих стран (особенно европейских) на издание электронных книг, газет и журналов.

Современная эпоха – это эпоха массового производства и распространения разнообразных технических устройств. Многие товары перестали быть технически сложными и могут считаться своеобразным «электронным ширпотребом»: калькуляторы, флэш-устройства, мобильные телефоны, цифровые фотоаппараты, видеоразвлечения, пульты дистанционного управления и т.д. К более сложным товарам, товарам новой волны можно отнести телевизоры с большой диагональю, новые энергоустановки, новые транспортные средства, продукция для красоты, здоровья и долголетия. Одним из мощных и беспроблемных вариантов остается экологически чистая продукция – это ценный качественный и экологически чистый возобновляемый экспортный товар. Как видим, ниши пока существуют и нужно успевать в них встраиваться.

Стратегии выхода из кризиса в разных странах содержат как набор общих рекомендаций, так и специфические инструменты.

В США причины кризиса помимо трансформационных и рефлексивных корней имеют свои особенности, усугубляющие ситуацию: это финансовые махинации, беспоставочные фьючерсы, громадные внешние и внутренние долги [11]. Спусковым крючком кризиса стали проблемы на рынке ипотечного кредитования, избыток ликвидности в экономике США, что привело к формированию рыночных пузырей – завышенной оценке активов недвижимости и сырья, преувеличению роли производных инструментов, недостаточный уровень оценки рисков как регуляторами, так и рейтинговыми агентствами, использование сырья в качестве привлекательного финансового актива. В итоге эффективность американской модели экономики находится под большим сомнением. Заговорили о том, что США из мирового производителя превратились в мирового потребителя и резко обессилели. Они больше не позиционируют себя как передовое модернизирующееся государство, способное на быстрое и гуманное развитие. Государством приняты беспрецедентные меры по урегулированию кризиса: упразднены американские

неэффективные банки, большие пакеты акций страховых компаний и коммерческих банков находятся в залоге у государства, приняты проекты развития инфраструктуры, начато стимулирование внутреннего спроса. Планируется также освободить инновационный бизнес от налогов, создать дополнительные рабочие места, перейти на чистую энергетику и производство «автомобиля будущего», проложить новые линии электропередач и дорожные магистрали, увеличить финансирование образования, здравоохранения, резко повысить финансирование научных разработок.

Президент Франции Н. Саркози заявил об окончании эпохи свободного рынка. Мировые державы, считает он, должны прийти к новому Бреттон-Вуду, искоренив пороки современного капитализма с его ориентацией на максимизацию краткосрочной прибыли. В стране введены следующие меры: инфраструктурные проекты, помощь крупным корпорациям, помощь регионам, поддержка образования, здравоохранения, автопроизводства.

Китай практикует такие антикризисные инструменты, как строительство новых городских территорий, развитие транспортной инфраструктуры, социальная поддержка населения. Товары, которые раньше шли на экспорт, теперь реализуются на внутреннем рынке по доступным ценам, а разницу предприятиям компенсирует правительство. Это не дает населению впасть в нищету, а производству – остановиться. Снижены ставки на кредиты и налоги. Для предпринимателей, работающих на экспорт, в пять раз снижаются налоги и еще выплачиваются премии, снижен НДС, усиленно развиваются здравоохранение, огромные средства пущены на государственные закупки сельскохозяйственной продукции, оказывается помощь малому предпринимательству, укреплению социальной сферы, прогрессу новых технологий. На Тайване власти раздают купоны на покупку товаров (на 2,5 млрд долл.).

В Великобритании оказывается помощь семьям, взявшим ипотечный кредит, введена программа строительства доступного жилья (доходных домов), осуществляется выкуп акций крупных банков, предоставляются кредиты малым предприятиям.

Германия ввела госгарантии банкам, субсидии на капремонт зданий, инвестиции в образование, здравоохранение, инфраструктуру.

Норвегия отдает приоритет социально-экологическим целям, ограничению крупного бизнеса, социализации образования, здравоохранения.

Что касается России, то здесь ситуация складывается из разнообразных и многовекторных тенденций и особенностей. Мировой кризис наложил на собственный кризис перегретости экономики, а также структурный кризис реального сектора. Внешние факторы резонировали с внутренними: проблемы в экономике США, дело «Мечела», резкое падение цен на нефть, военный конфликт между Россией и Грузией [12]. Наша экономика развивалась по бестоварному, а теперь и практически безкредитному сценарию, что для капитализма нетипично. Г. Явлинский назвал российский капитализм «периферийным». Но поскольку капиталы из страны стремительно уходят (в 2008 г. отток капиталов составил 130 млрд долл., валютные резервы сократи-

лись на 45 млрд, а золотовалютные – на 51,7 млрд долл. [11]), то возникает сомнение, что социально-экономическую систему России можно назвать капитализмом вообще, во всяком случае, он пока остается незрелым и аномальным, неспособным к фундаментальному переустройству общества, и в этом основная сложность.

Экономика России последние 8 лет держалась на высоких ценах на нефть (пик в июле 2008 г. – 147,3 долл. за баррель) и иностранных кредитах (около 540 млрд долл.). Стихия свободного рынка с минимальными обязательствами государства привела к ослаблению реального сектора экономики: станкостроение отстает в развитии, выпуск наукоемкой продукции упал, суда нам строит Ю. Корея, воздушно-космическая оборона в критическом состоянии, почти не осталось собственного торгового флота и т.д. Объем коррупции оценивается в 240 млрд долл. Впервые за долгие годы у нас отрицательное сальдо торгового баланса (упали цены на сырье, металлы, химпродукты, лесоматериалы, которые составляют до 90% нашего экспорта). «Подушка» «Стабфонда» создана, как выяснилось, за счет огромной внешней задолженности российских предприятий. Валютная либерализация в России (компании получили возможность напрямую занимать средства на мировом финансовом рынке) привела к долговым проблемам. Государство вывозило огромные «свободные средства», а банки и корпорации ввозили их обратно. Одновременно шли практически равные встречные валютные потоки, но вывоз шел под 4%, а ввоз – под 10–12%. Причем из 540 млрд корпоративных долгов 200 млрд – долги госкорпораций. Есть опасения, что России не удастся вернуть накопленные деньги: возможно в их возврате будет отказано, этому будут препятствовать законы США о дисконтном окне. России достанется в лучшем случае лишь половина ее накоплений.

Началась стагфляция – разгон инфляции при сокращении экономики. Отмечается «перегрев» таких отраслей, как строительство, транспорт и связь, начался спад производства отраслей первичных переделов (цемент, кирпич, металл). По данным статистики (Коммерсант. 2009. № 28), промышленность РФ в январе 2009 г. пережила «дно» (по сравнению с январем 2008 г. промышленность сократилась на 16%). Но был и рост – увеличилось производство газовых турбин, пассажирских вагонов и вагонов метрополитена.

Фондовый рынок России оказался одним из самых пострадавших – он резко упал почти в три раза. Максимальное значение стоимости российских акций составило 1,4 трлн долл. (19.05.08), а минимальное – 545 млрд долл. (06.10.08) [2]. Перекапитализация фондового рынка ведет к его неизбежному падению. В 2007 г. Россия достигла показателя капиталоемкости ВВП в 116% (при том что Германия – 64%, Италия – 51, США – 144%). Это был явно завышенный показатель. Важно соотношение размеров национального рынка акций и продуктивной экономики. Россия переживает социогуманитарный кризис, когда вложения в человека считаются издержками экономики, а манипуляции на рынке деривативов рассматриваются как вклад в становление рыночной экономики.

Российская банковская система не смогла превратиться в важный источник кредитования отечественного про-

изводства. Весь мир снижает кредитные ставки, а кредитная помощь в России оказывается в таких условиях, которые ведут к банкротству. Уровень рентабельности наших предприятий не превышает 8%, и они никак не могут брать кредиты под 20% годовых. Банки не будут заниматься реальным производством, т.к. их волнуют весомые проценты, а товарное производство такой рентабельности не имеет (53% предприятий убыточны). Российские банки закончили 2008 г. с прибылью в 450 млрд руб., а почти 2/3 предприятий – с убытками или на грани их. Симптоматично, что «Роснефть» и «Транснефть» получают у Банка развития Китая (!) один из крупнейших в российской истории кредитов – 25 млрд долл. на 20 лет по ставке около 5% (Коммерсант. 2009. № 29). Председатель Торгово-Промышленной палаты РФ Е. Примаков [13] предлагает укрепить кредитно-банковский сектор путем фиксации процентной ставки (банки должны думать не о марже, а о спасении экономики).

Плюсы кризиса в том, что из-за медленного роста экономики Россия начнет вести инфраструктурные проекты, перейдет от стерилизации доходов к производственному реинвестированию, поднимет внутренний спрос, компенсируя падение спроса внешнего. Средства выделены (5–5,5 трлн руб.), и стабилизирующий эффект обязательно проявится.

Выход из кризиса потребует расширения несырьевого экспорта и качественного инвестиционного импортозамещения, развертывания венчурной индустрии, расширения госзаказа, налоговых льгот, субсидирования процентной ставки по кредитам, участия государства в капитализации предприятий и банков и других мер. Правительство планирует инвестиции в строительство дорог и обновление подвижного железнодорожного состава, в электроэнергетику, строительство. В 2009 г. планируется 8%-й дефицит бюджета, который восполнится за счет резервов. Предполагается индексация тарифов естественных монополий.

Наша страна не может позволить себе новые разработки во всех сферах. Нам надо определиться, какие технологии нам нужны. Технологии должны решать насущные проблемы. Легкие нефтяные деньги (за 8 лет почти 1 трлн долл.) ни одну из проблем не решили. Нужна модель предсказуемой, достойной жизни. В какой экономике мы бы хотели оказаться после кризиса? Нужно стимулировать новые производства, новые тех-

нологии, новые продукты, новые формы бизнеса, а не выпуск устаревшей продукции. Денежное предложение должно идти в становление нового технологического уклада и воплощение в жизнь концепции долгосрочного развития. Обнадёживает то, что, возможно, кризис поможет стряхнуть нефтяную оцепенелость, перевести экономику в новое русло. Кризис для России – это окно возможностей для экономического рывка и детонатор инноваций. России проще оседлать новую волну экономического роста, а не реанимировать старую. Например, в России существует производство приборостроительной базы для наноиндустрии: производятся сканирующие зондовые микроскопы, сверхвысоковакуумные комплексы, зондовые нанолаборатории, которые поставляются в 40 стран мира [7]. Правительство РФ запустило программу, рассчитанную на период с 2008 по 2020 г. и призванную модернизировать и диверсифицировать экономику через создание госкорпораций [14]. Согласно Концепции долгосрочного развития в России планируется построить экономику знаний, но для этого нужно создавать развитый промышленный сектор. Уже имеются несырьевые суперхолдинги «Нанотехнологии», «Ростехнологии», «Олимпстрой», «Объединенная судостроительная компания» и др. Интересна новая формула развития России, предложенная профессором С. Губановым [15]: неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (государственно-корпоративный капитализм). Не извлечение прибыли из сырья, а максимизация добавленной стоимости.

Ожидать, что сверхновые технологии революционным образом быстро изменят производственные процессы в России, не приходится, но, учитывая высокий адаптивный потенциал российской экономики, следует ожидать, что Россия сумеет встроиться в мировые технологические цепочки.

Далее вновь начнется подъем – банки возобновят кредитование, начнется импортозамещение (в условиях проблем с импортом). Станут выгодными инвестиции в новые товары и технологии. Бизнес начнет думать о захвате новых рынков.

Что касается регионов, то их главная стратегия выживания в нестабильной среде – производить качественные и доступные по цене товары и услуги, осваивать новые рынки и диверсифицировать доходы, ориентируясь на собственные финансовые резервы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: Марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 119–132.
2. Николаев И., Марченко Т. Фондовый рынок: пределы роста и глубина падения // ОиЭ. 2008. № 9. С. 3–36.
3. Милосердов В. Какой капитализм мы построили // РФ сегодня. 2009. № 2. С. 24–27.
4. Огневцев С.Б. Мировой кризис 2007/08: причины и последствия // Экономические науки. 2008. № 11 (48). С. 7–12.
5. Юсим В. Первопричина мировых кризисов // ВЭ. 2009. № 1. С. 28–39.
6. Клинов В.Г. Структурные кризисы и мировая экономическая конъюнктура // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 10. С. 3–10.
7. Глазьев С. Антикризисные меры нужно увязать с решением долгосрочных проблем модернизации экономики // Российская Федерация сегодня. 2009. № 3. С. 19–20.
8. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2007. 429 с.
9. Василевский Э. Обрабатывающая промышленность США: 1950–2005 годы // МЭиМО. 2008. № 8. С. 75–105.
10. Хайтун С. Постиндустриальное общество: станет ли эта западная модель будущим всего мира? // ОиЭ. 2008. № 9. С. 100–124.
11. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 9–27.
12. Смит Р. К чему приведет финансовый кризис // Рынок ценных бумаг. 2008. № 21 (372). С. 4–6.
13. Примаков Е. Шесть шагов, необходимых для преодоления кризиса // РФ сегодня. 2009. № 3. С. 2–4.
14. Гусев А. Концепция 2020: правильно ли избран стратегический вектор развития российской экономики? // ОиЭ. 2008. № 8. С. 5–12.
15. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3–27.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 5 марта 2009 г.